

— Если это вамъ доставляетъ удовольствіе, можете поздравить,—съ небрежной полуулыбкой отвѣтилъ Володя, и отвѣтилъ такъ, какъ могъ бы только отвѣтить принцъ королевской крови своему подчиненному.

— Опять съ золотою медалью,—нѣсколько задыхаясь, вмѣшался Антонъ Кирилычъ.—Володя, покажи-ка батюшкѣ свою медаль-то!

— Ахъ, оставьте, папаша! Удивительно, какъ васъ этиглупости занимаютъ... точно вы ребенокъ!.. Послѣ какъ-нибудь...

Сказавъ это, Володя принялся разсматривать свои руки. Старикъ осѣбся, бросилъ вокругъ растерянный, сконфуженный взглядъ и принялся какъ-то неловко егозить на стулѣ, подвигая сыну то сливочникъ, то сухарницу.

„Ну, сынокъ-то того... еще что-то вальяжнѣе прежняго сталъ!“—подумалъ батюшка, однако, чтобы сгладить какъ-нибудь всеобщую неловкость, а главное, чтобы не утратить своего достоинства предъ столичнымъ юношей, смѣло откашлялся и пустился въ дальнѣйшіе разспросы.

— Гм, гм... Что же?... Какъ тамъ, напримѣръ, въ столицѣ-то? Что новенькаго? Вѣдь у насъ тутъ одно слово—Тюрьма, хе-хе-хе!—состригилъ батюшка.

— Право, не знаю, что тамъ новаго,—отвѣчалъ Володя, продолжая заниматься своими руками.—Притомъ я не имѣю чести знать, какая собственно область васъ интересуетъ?

— Гм, гм...—пролепеталъ батюшка и окончательно растерялся. Разговоръ не клеился. Володя скоблилъ ногти крошечнымъ золотымъ ножичкомъ, привѣшеннымъ къ цѣпочкѣ часовъ, и неопредѣленно мычалъ на вопросы; батюшка отчаянно пилъ стаканъ за стаканомъ, обжигая себѣ губы; старикъ безъ всякой видимой надобности переставлялъ на столъ разные предметы и съ обожаньемъ ловилъ каждое движеніе Володи. Только когда разговоръ коснулся Полянскихъ, молодой человѣкъ нѣсколько оживился и выказалъ интересъ.

— Скажите, пожалуйста,—началъ онъ, ни къ кому собственно не обращаясь:—я слышалъ, что Марья Ивановна Фирсова овдовѣла; правда это?

Фирсова была дальняя родственница Полянскихъ, бывшая замужемъ за купцомъ, нажившимъ огромныя деньги во времена откуповъ.

— Да, да!—въ одинъ голосъ поспѣшили поддакнуть и Антонъ Кирилычъ, и батюшка.